

☞ Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, ☞

== Миссіонерское дѣло. ==

— юже стяжалъ еси честною Твоею кровію. —

„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“.

*Только любовью можно
обратить заблудшаго.*

(Филаретъ Московскій).

1.

О. Петръ, окончивъ послѣ Литургіи молебны и панвхиды и потребивши Св. Дары, сталъ разоблачаться. Псаломщикъ убирался въ алтарь, а сторожа тушили свѣчи и лампы. Въ алтарь вошелъ церковный староста Панфилъ Осокинъ, и, подойдя къ батюшкѣ, сталъ что-то ему тайношественно нашептывать на ухо. О. Петръ и разоблачаться бросилъ, и всплеснувъ руками, тяжело опустился на стулъ. „Да,— жалко мужика“, сказалъ уже вслухъ Панфилъ, и поспѣшно вышелъ изъ алтаря, услыхавъ, — какъ кто-то позвалъ его къ свѣчамъ. Машинально разоблачился о. Петръ, помолился и ушелъ домой—ничего предъ собой не видя, ничего не слыша.

Матушка сначала удивилась хмурому виду о. Петра, — потомъ разсердилась, и, наконецъ, махнула рукой, когда о. Петръ, — едва выпивъ одинъ стаканъ чая—ушелъ въ свою комнату. Тамъ онъ въ изнеможеніи опустился на колѣни передъ образомъ Спасителя и воздѣвъ руки горѣ воскликнулъ: „Господи!.. меня покарай — а не его! Не упасъ я чадо, вѣренное мнѣ Тобою.. Не дай погибнуть ему по моей винѣ“... Затѣмъ онъ взялъ крестъ—всегда лежащій на божницѣ со Св. Евангеліемъ и много разъ облобызалъ его, и казалось не хотѣлъ выпускать его изъ своихъ рукъ. „Господи!“ молился о. Петръ: „Помоги обрѣсти мнѣ овцу заблудшую“. Староста Панфилъ передалъ о. Петру слѣдующую новость: прихожа-

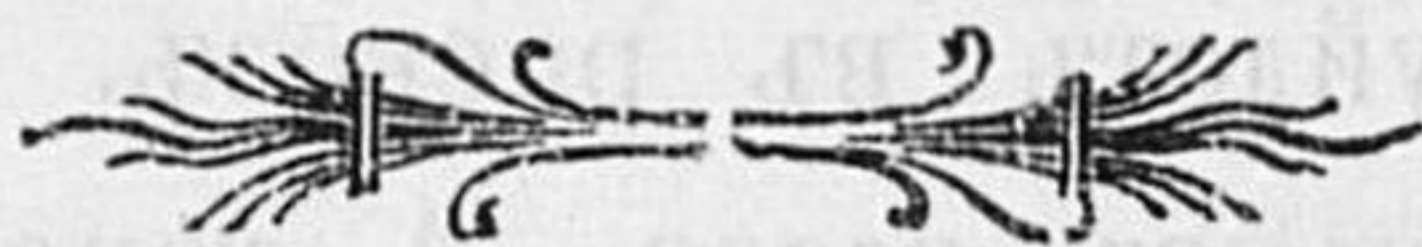
нинъ, довольно зажиточный и имѣющій большую родню въ селѣ, ушелъ въ расколъ. О. Петръ—давно зналъ его какъ любителя поговорить о вѣрѣ и часто съ нимъ спаривалъ, когда тотъ принимался разсуждать о богословіи,—но никогда о. Петръ не думалъ, что это можетъ случиться—и если-бы до этого кто ему сказалъ-бы, что прихожанинъ его Лука Петровичъ Ивановъ уйдетъ въ расколъ, то о. Петръ разсмѣялся-бы тому человѣку въ глаза. А теперь эта новость ошеломила его и онъ весь сжался—какъ отъ сильной внутренней боли. Черезъ часъ времени призвалъ о. Петръ старосту и подробно разспросилъ его, какъ это Лука Петровичъ ушелъ въ расколъ.

„Я батюшка давно подозрѣвалъ его“ началъ Панфиль— „и вотъ вчера встрѣтился я съ нимъ на гумнѣ—онъ мнѣ и говоритъ: ну Панфилушка—не жди меня больше,—не приду я,—не куплю у тебя свѣчечки, не подамъ тебѣ на тарелочку. Къ Клецовымъ ухожу... Призвалъ меня Господь въ чудный свой свѣтъ“.. Панфиль усмѣхнулся... Хорошъ чудный свѣтъ: Клецовы—раскольники... — „Я было“ — продолжалъ Панфиличъ: „покалякать съ имъ хотѣлъ—но онъ засмѣялся чудно какъ и ушелъ на пчельникъ“. Панфиль смолкъ. О. Петръ, выслушавъ и взявъ Панфила за руку, заговорилъ прерывающимся голосомъ: „не знаешь, Панфиль—какими ногами ты рѣжешь мое сердце. Ну подумай, сколько у тебя горя будетъ—если у тебя умретъ твой сынъ Гаврила“. „Не дай-ты Господи“, со страхомъ произнесъ Панфиль и перекрестился. „Такъ и я“, продолжалъ о. Петръ: „мой онъ сынъ—духовный... и умеръ для меня“.- -И знаешь-ли ты,—каково горько—каково обидно бываетъ отцу, когда сынъ его бросаетъ домъ—отца—и уходитъ и погибаетъ съ татями и разбойниками, такъ и Лука ушелъ изъ Церкви—изъ дома спасенія въ расколъ—въ погибель. Да, не досмотрѣлъ я... погибла овца, мнѣ спящу“...—По уходѣ Панфила о. Петръ пошелъ въ церковь и долго молился—стоя на порогѣ, а затѣмъ вошелъ въ

алтарь и упавъ предъ престоломъ долго не могъ подняться. Лишь слышались по храму его рыданія и молитвенные вопли. Передъ всѣми иконами помолился о. Петръ, — облобызалъ ихъ, и, взявъ Св. Евангеліе, пошелъ въ домъ Луки Петровича.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ *Іоаннъ Виноградовъ.*

⊗ ⊗ **ЖИЗНЬ И КНИГИ.** ⊗ ⊗

Проф. Н. Н. Пальмовъ. (Св. Софія Константинопольская).

Архитектура храма, его устройство, стѣнные росписи, святыни и достопримѣчательности. Научно-популярный очеркъ. Отдѣльные оттиски изъ журнала «Свѣтильникъ», № 5—8 за 1915 г. Москва, 1915 г. VII+74 стр. 6 отд. табл., 16 рис. и 7 план. въ текстѣ.

(Продолженіе.)

Подробному описанію сложнаго внутренняго устройства св. Софіи и ея величайшихъ святынь и драгоценной утвари отведена глава пятая.

При обзорѣ современной св. Софіи, превратившейся въ турецкую мечеть—Айя-Софію, трудно выяснить себѣ ея прежнее устройство: непонятно, гдѣ стояли богомольцы, императоръ, его свита, гдѣ находился амвонъ, иконостасъ, патриаршее мѣсто и т. д. Свѣдѣнія относительно всего этого мы можемъ получить изъ труда профессора Д. Θ. Бѣляева, — *Byzantina*, гдѣ онъ пытается воспроизвести главнѣйшія части храма св. Софіи, отмѣчая ихъ на планѣ, сдѣланномъ Зальценбергомъ при послѣдней реставраціи въ 1847—48 г. Источникомъ для работы проф. Бѣляева служилъ въ числѣ другихъ литературныхъ памятниковъ „Придворный Уставъ или церковный чинъ Константина VII Багрянороднаго“, сочиненіе Кодина Куропалаты „О чинахъ Константинопольскаго Двора и должностяхъ Великой церкви“.

Изъ этихъ трудовъ можно узнать о томъ, какъ совершались торжественные выходы Византійскихъ Императоровъ, какимъ путемъ они шествовали въ св. Софію и другіе храмы и

✠ Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, ✠

== Миссіонерское дѣло. ==

юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“.

*Только любовь можно
обратить заблудшаго.*

(Филаретъ Московскій).

2.

(Продолженіе).

Луку Петровича О. Петръ нашель на пчельникѣ.

Сидѣль тотъ въ омшанникѣ за столомъ и читалъ книгу о правой вѣрѣ, а въ углу предъ Деисусомъ лампада горѣла. Увидя о. Петра, Лука Петровичъ оторвался отъ книги, поднялся и кланяясь величаво проговорилъ: „Добро жаловать, о. Петръ“ и, когда о. Петръ снялъ шляпу, Лука Петровичъ отошелъ на два шага: «простите... благословенія принять не могу... не поскорбите» и Лука Петровичъ подставилъ батюшкѣ скамью. О. Петръ, помолясь Богу, сѣлъ, положилъ на столъ Евангеліе и проговорилъ: «Вотъ, Лука Петровичъ, мы съ тобой и враги какъ-бы стали, какъ чужіе, и ты чуждаешься и меня и матери твоей Св. Церкви. А вѣдь, мы вѣримъ съ тобой во Единого Спасителя, въ одно Евангеліе, исповѣдуемъ Едину Соборную и Апостольскую Церковь. И изъ-за чего ты, сынъ мой, оставилъ насъ? вскую отринулъ лице свое отъ двери спасенія? Не изъ-за меня-ли грѣшнаго ты отвратилъ сердце свое отъ матери Церкви? скажи-же не утай все? «Батюшка», отозвался Лука Петровичъ.. Я думаю наоборотъ совершенно. Я не ушелъ изъ Церкви, не отринулъ лице свое отъ двери спасенія, а думаю, что пришелъ только что въ Церковь — въ ограду спасенія. Церковь не стѣны и цокровъ, но вѣра и житіе». О. Петръ взялся, было, за Еван-

геліе, но Лука Петровичъ взялъ его за руку и сказалъ: „Знаю, батюшка, что именно вы хотѣли-бы мнѣ вычитать; знаю всѣ тексты, всю догматику прочелъ, --Св. Отцевъ читывалъ, академическія сочиненія доставалъ и все читалъ; читалъ съ болью въ сердцѣ, и увидалъ, что дѣйствительно хорошо бы имѣть такую Церковь на землѣ, каковой она должна быть по Писанію.--Поговоримъ же сейчасъ, батюшка, не какъ богословы, безъ преній—безъ гнѣва, а какъ добрые христіане. Выслушайте все мое внутреннее и вы поймете меня“... „Говорите, Лука Петровичъ“, —сказалъ о. Петръ и приготовился слушать исповѣдь заблудшаго сына.

„Вотъ что я вамъ выскажу“, началъ Лука Петровичъ: „я не могу похвалиться, что я человѣкъ богомольный,—но всегда меня тянуло—особенно въ минуты скорби—излить душу свою предъ Господомъ; но не удавалось это до сихъ поръ. Бывало, встанешь рано по утру въ воскресный день и выйдешь на пчельникъ. Кругомъ одна радость, одна благодать. Нѣтъ лучше утренняго часа для молитвы. И цвѣты и травы сильнѣе тогда благоухаютъ и кажется, что они тянутся сильнѣе къверху, къ небу. И птички и пчелки—все поетъ и славить Творца. Умилишься душой и вообразишь себя въ мати—пустынѣ, гдѣ Св. Отцы жили—непрестанно славя Бога, смотря на прекрасный Его міръ. И вотъ зазвонятъ къ утренѣ. Слушаешь радостные звуки колокола, зовущіе въ Домъ Божій, и пойдешь съ радостнымъ сердцемъ въ храмъ. Но именно, какъ только я входилъ въ церковь, то слетало съ меня все молитвенное настроеніе. Вы начинаете служить и вмѣстѣ съ этимъ начинается ходьба по храму Божію, хлопанье дверями, звонъ денегъ и даже крикъ у свѣчнаго ящика. И такъ всю утреню.—А сторожа, какъ нарочно, ходятъ ежеминутно, тушатъ свѣчи, заправляютъ лампы и разговариваютъ между собой. Закроешь глаза отъ этой суеты и стараешься слушать службу. Но—ничего не услышишь. Вмѣсто чтенія часто бормотанье, и вмѣсто пѣнія слышишь лишь начала и кончики молитвословій.

„А вмѣсто обѣдни опять ходьба съ просфорами, разговоры, гуль, шумъ вплоть до Херувимской. И думалъ я грѣшный.— Неужели въ этомъ только заключается молитва Богу. Увидалъ я, что народъ воплотилъ свою вѣру въ свѣчахъ, просфорахъ и лампадахъ, а о молитвѣ никто не заботится. Не отрицаю я свѣчь и просфоръ, но это не главное, а лишь обрядность. Только тогда молился я, когда вы выходили на средину храма и пѣли молебны и акафисты. Тогда ходьба и суета прекращалась, но ненадолго... Ходилъ я по другимъ церквамъ — и тамъ все тоже. Ходилъ по обителямъ, и только удавалось помолиться въ малыхъ бѣдныхъ обителяхъ, гдѣ нѣтъ ни суеты, ни суетологи — но далеки отъ насъ эти обители. Пробовалъ дома молиться, но гдѣ это удастся при нашей тѣснотѣ? А душа искала излиться предъ Богомъ, жаждала чего-то. Искала умиленія, молитвеннаго восторга и не находила. Плакалъ я, боялся долго и наконецъ пошелъ къ Клещевымъ. И тамъ — то я нашелъ то, чего искалъ; тамъ во время молитвы ни шуму, ни ходьбы, а едина тишина... не оглянутъ... а если кто по дѣлу идетъ по моленной, то увидишь только его тѣнь. И вотъ я рѣшился, о. Петръ, уйти туда, гдѣ душѣ моей легко и отрадно“. Лука Петровичъ смолкъ.

„Что-же вы не докончили“, сказалъ о. Петръ: „Гдѣ же истина? Вѣдь только тамъ можно спастись, гдѣ истинная Церковь, а не самоизмышленная, какъ у Клещевыхъ. Гдѣ у нихъ таинства? гдѣ священство?“

— „А позвольте, батюшка“, отозвался Лука Петровичъ: развѣ спасутся хотя и имѣющіе таинства, но дѣлающіе изъ дома молитвы — домъ торговли, изъ дома тишины и жилища Божія — домъ суеты и всякаго безпорядка?“ — «Эти обряды», сказалъ о. Петръ: освящены Церковью съ первыхъ лѣтъ ея бытія. И свѣчи, и лампы, и просфоры: и ты самъ это прекрасно знаешь. Но мнѣ кажется, что ты преувеличиваешь. Неужели у насъ въ храмахъ всегда суета и некогда помо-

литься? Мнѣ кажется, что ты, заразясь духомъ раскола, сталъ смотрѣть на все церковное глазами осужденія. Ты въ храмѣ вставалъ не на мытаревомъ мѣстѣ, а на мѣстѣ фарисеевомъ. Не молился, не плакалъ, а смотрѣлъ кругомъ и говорилъ въ сердцѣ своемъ: благодарю тебя, Боже, что я не такой, какъ эти человѣки. Я молюсь, а они ходятъ; я воздыхаю, а они носятъ свѣчи, и, наконецъ, ты дошелъ до того, что сказалъ въ изступленіи: Господи! Неужели есть человѣкъ, праведнѣе паче мене“?

— «Жестоко слово ваше», сказалъ Лука Петровичъ и понурилъ голову: «Неужели врагъ это смущалъ меня?.. Нѣтъ, долго я боролся съ собой, долго... семь лѣтъ я взывалъ къ Богу... Скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъ же пойду. И вы этими словами, батюшка, только оправдываете и утѣшаете себя. Неужели эту безпорядочность и суету въ храмахъ нельзя устранить? вспомните, какъ была крещена Русь. И сказали послы Владиміру: не знаемъ, гдѣ мы были—на землѣ, или на небѣ?»

— Неужели въ Византійскомъ храмѣ, когда тамъ были послы Владиміра, была такая же ходьба и самовольство народа въ храмѣ? Что-бы сказали татары, если-бы пришли въ наши храмы попытать нашу вѣру?..

О. Петръ задумался.—Слушай, Лука Петровичъ, мое послѣднее слово. Эти слова, каковыя ты сейчасъ произнесъ, не твои слова, не твоего сердца, но слова душевреднаго раскола, на гибельныя стези котораго ты хочешь вступить. Ты самъ утѣшаешься только этими словами, но сердце твое далече отстоитъ отъ нихъ. Повѣрь, сынъ мой, народъ нашъ это—дѣти, большія дѣти. Они и нарушаютъ иногда порядокъ въ храмѣ не намѣренно, но именно по простотѣ, по младенческой простотѣ ихъ сердець, и Господь этого не вмѣнитъ имъ въ грѣхъ. Именно сказалъ Спаситель: будьте—какъ дѣти, таковыхъ есть Царствіе Небесное.

— А ты судишь. И если у кого изъ этихъ большихъ дѣтей

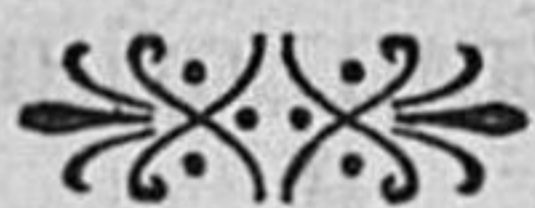
спадеть съ сердца святая младенческая простота ихъ душъ, то они будутъ смотрѣть на все глазами фарисея, а не мытаря. Неужели ты поставишь въ вину маленькимъ дѣтямъ ихъ крайнюю рѣзвость и даже шалости? Знай, Лука Петровичъ, что народъ, сущъ простъ душой, скорѣй спасется, нежели вы, ибо они, какъ знающіе мало, и отвѣгятъ мало, а вы, вѣдущіе много, много и истязаны будете въ страшный послѣдній день“.

Раздался звонъ къ вечернѣ, и о. Петръ всталъ, перекрестился и сказалъ восторженно, смотря на небо: Благовѣсти, земле, радость велію, пойте, небеса, Божію славу“.

Ничего не сказалъ Лука Петровичъ и, проводивъ о. Петра, не взялъ книгу о вѣрѣ, не сталъ читать ее, а глубоко—глубоко задумался...

(Окончаніе будетъ).

Священникъ *Іоаннъ Виноградовъ.*

⊗ ⊗ **ЖИЗНЬ И КНИГИ.** ⊗ ⊗

Проф. Н. Н. Пальмовъ. (Св. Софія Константинопольская).

Архитектура храма, его устройство, стѣнные росписи, святыни и достопримѣчательности. Научно-популярный очеркъ. Отдѣльные оттиски изъ журнала «Свѣтильникъ», № 5—8 за 1915 г. Москва, 1915 г. VII+74 стр 6 отд. табл., 16 рис. и 7 план. въ текстѣ.

(Продолженіе.)

Въ шестой главѣ обозрѣваются постройки и церкви, окружающія храмъ св. Софіи.

Всѣ эти постройки принадлежатъ къ различнымъ временамъ. Самая древняя—церковь, стоявшая на юго-западномъ углу св. Софіи. Это, вѣроятно, та церковь во имя Іоанна Крестителя, которая была построена еще раньше храма св. Софіи. Въ ней производилось крещеніе оглашенныхъ, и она поэтому

✠ Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, ✠

== Миссіонерское дѣло. ==

юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“.

*Только любовью можно
обратить заблудшаго.*

(Филаретъ Московскій).

3.

(Окончаніе).

Прошло три мѣсяца. О. Петръ не одинъ разъ посѣщаль Луку Петровича и бесѣдовалъ съ нимъ. Перерыли они всѣ книги, все Писаніе прочли, но не могли придти къ одному концу. Плакалъ о. Петръ горькими слезами, идя отъ Луки Петровича и дома и въ церкви молился объ его спасеніи. Ни разу не приходилъ Лука Петровичъ въ церковь, но и у Клещевыхъ былъ за три мѣсяца всего одинъ разъ. Всякій разъ по уходѣ о. Петра, онъ думалъ: и чего ходитъ онъ ко мнѣ, что я ему... жалко меня... плачетъ... и Лука Петровичъ восклицалъ въ отчаяніи: „Скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъ же пойду“.

Однажды Лука Петровичъ рано утромъ шелъ мимо церкви. Тамъ шла заказная обѣдня и Лука Петровичъ, крадучись, вошелъ въ притворъ и прижался къ стѣнѣ. Народу было всего три человѣка; были кому—то помины. О. Петръ прочиталъ Евангеліе и сталъ говорить ектенію и произнося слова въ концѣ: -- еще молимся о милости, жизни, здравіи, спасеніи... и запнулся тутъ о. Петръ и, захлебываясь слезами, палъ ницъ предъ престоломъ, возгласилъ: о спасеніи сомнящагося раба Твоего Луки—и долго не вставалъ о. Петръ, а все повторялъ: спаси, Господи .. просвѣти, Господи... И тутъ не выдержалъ Лука Петровичъ... и, едва сдерживая рыданія, вышелъ изъ храма...

На праздникъ Воздвиженія пришелъ о. Петръ на пчельникъ къ Лукѣ Петровичу. А тотъ убиралъ пустые ульи въ подвалъ и ухетывалъ омшанникъ. „Съ осенью тебя, Лука Петровичъ, съ медомъ — съ воскомъ, съ новыми ульями“ — здоровался о. Петръ: „а я еще не убирался на своемъ пчельникѣ, — давай ка я тебѣ помогу“. Поблагодарилъ Лука Петровичъ и два старика проработали до тѣхъ поръ, пока не ударили къ вечернѣ. О. Петръ собрался уже уходить съ пчельника, какъ вдругъ Лука Петровичъ упалъ въ ноги ему и проговорилъ дрожащимъ голосомъ: „О. Петръ, не откажите мнѣ... Придите ужо ко мнѣ оди и отслужите молебны Спасителю, Божіей Матери и Зосимѣ и Савватію. Но чтобы никто не видалъ.

„Вы да я, и быть можетъ... быть можетъ...“ тутъ не договорилъ Лука Петровичъ и поспѣшно ушелъ въ подвалъ.

Ничего не нашелся отвѣтить о. Петръ и тихо пошелъ въ церковь. За вечерней горячо молился пастырь за погибающую душу своей овцы, отслужилъ акаѳистъ Спасителю, и много дивились прихожане горькимъ слезамъ батюшки.

По заходѣ солнца, когда всѣ спать улеглись, пришелъ о. Петръ къ Лукѣ Петровичу на пчельникъ и узелъ съ собой принесъ. Встрѣтилъ его Лука Петровичъ и подъ благословеніе подошелъ.

Вынулъ изъ узла о. Петръ ризу, кадило, свѣчу, чашу водосвятную, крестъ, евангеліе и иконы: Спасителя, Богоматери и Зосимы и Савватія Соловецкихъ.

О. Петръ свѣчи возжегъ, а Лука Петровичъ кадило раздулъ. Когда еще въ церковь ходилъ въ праздники, подпѣвалъ Лука Петровичъ пѣвцамъ, а теперь приходилось ему дѣлать на самомъ дѣлѣ. Сначала робко, а потомъ все позабылъ окружающее онъ и съ о. Петромъ запѣлъ восторженные священныя пѣсни.

Когда спѣли „Еже радуйся...“, взялъ Лука Петровичъ

требникъ и зачалъ читать Апостоль. Полными слезъ глазами смотрѣлъ о. Петръ на небо, усѣянное звѣздами, и горячо молился; а когда Лука Петровичъ читалъ слова: „Самъ бывъ искушень, можетъ и искушаемымъ помощи“, упалъ о. Петръ на колѣни, и, прикинувъ лицомъ къ холодной землѣ, оросилъ ее горячими слезами, шепча: „помоги, Господи, искушаемому рабу Лукѣ“. Прочтя Евангеліе, ектенію и молитву, погрузилъ о. Петръ Честной Крестъ въ воду троекратно и запѣлъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“, а Лука Петровичъ, закрывъ лицо руками, беззвучно рыдалъ. Потомъ, повалясь въ ноги о. Петру, онъ воскликнулъ: „Окропи мя, окаяннаго, пастырю. Твой я до конца живота моего...“ и, облобызавъ крестъ, облобызался троекратно съ о. Петромъ, сжимая его въ объятіяхъ и мѣшая слезы свои со слезами о. Петра „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“ — воскликнулъ онъ... Ты побѣдилъ меня, отецъ мой, своею любовію. „А гдѣ любовь, — тутъ и правда вѣчная, и Самъ Христосъ!“

Священникъ *Іоаннъ Виноградовъ.*

⊗ ⊗ **ЖИЗНЬ И КНИГИ.** ⊗ ⊗

Алкогольный вопросъ при свѣтѣ переживаемыхъ событій.

Миновало то время, когда ужасы народнаго пьянства надрывали сердце, помрачали умъ и создавали такую атмосферу жизни, въ которой тяжело становилось жить. Правда, тяжелые дни выпали на долю нашей Родины и теперь, много горя и слезъ несетъ намъ переживаемая, искусственно навязанная намъ, война, но эта послѣдняя бѣда послана намъ Богомъ, какъ испытаніе, какъ искушеніе, какъ наказаніе за наши грѣхи. А горе пережитаго русскаго пьянства мы соз-